
**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

ОЛЕГ БУБЕЛА

ВЕЗУНЧИК

**Книга вторая
ЛЮДИ И НЕЛЮДИ**

**ЭКСМО
МОСКВА
2013**

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Разработка серийного оформления
художника *А. Матвеева*

Серия основана в 2010 г.

Бубела О.

Б 90 Везунчик. Кн. 2. Люди и нелюди : фантастический роман / Олег Бубела. — М. : Эксмо, 2013. — 608 с. — (Новые герои).

ISBN 978-5-699-65202-0

Все-таки не зря Никиту Северова, который по глупости попал в мир магии, прозвали Везунчиком. Да, в Проклятых землях выжить непросто. А ведь Нику нужно было не только выжить, но и заработать столько золота, сколько понадобится, чтобы навсегда распрощаться с местным адом. Осталось только набрать команду. Правда, не всем людям слишком уж независимый и нахальный попаданец по вкусу. Но Везунчик — парень не гордый: в мире магии достаточно и других рас. Орки, гномы, эльфы и прочие нелюди — вполне достойные кандидаты! Правда, все они повернуты на своих странных обычаях и терпеть друг дружку не могут, но Ник с этим справится. На то он и Везунчик!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-65202-0

© Бубела О., 2013
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Глава 1

Острог

Внутренняя отделка острога, в который меня завели стражники, великолепием не блистала. Ничего удивительного в том не было, тюрьма — она и есть тюрьма. Караульные на входе, обитые металлом толстые прочные двери с железными засовами и все прочее намекало: потребуется нечто большее, чем просто везение, чтобы выбраться отсюда.

Черкнув что-то в книге сонного дежурного, Мишет с рук на руки передал меня двум охранникам-конвоирам. Суровым, вооруженным до зубов мужикам в черной форме без знаков различия. Судя по отсутствию каких-либо указаний от командира, они были в курсе дела, а судя по проявленному служебному рвению, выраженному в сильном рывке, от которого я едва не пропахал носом дощатый пол острога, порядком заждались возвращения отряда с «уловом» в моем лице.

Решительно подхватив меня под белы ручки, эти молчаливые рыцари плаща и кинжала после недолгого блуждания по коридорам втолкнули меня в одну из комнат. Нет, не в камеру, в которой мне предстояло коротать ночь в ожидании завтрашнего суда, а в небольшой кабинет. Там за дубовым столом на мягком стуле с высокой спинкой сидел небольшого роста крепыш с пышными усами и недельной щетиной на щеках. Молча оглядев меня, он небрежным взмахом отпустил конвоиров, дождался, пока за ними закроется дверь, и указал на стоявшую посреди комнаты неказистую табуретку. Я осторожно присел

на нее и принялся аккуратно разминать связанные руки, которые мало-помалу начали затекать.

Итак, не нужно быть гением, чтобы понять — меня привели на допрос. Так сказать, с пылу с жару, пока не смазались впечатления, полученные при задержании. Обычная практика в конторах подобного рода. Хотя, как вариант, меня могли засунуть «дозреть» в «одиночку»... Нет, какие же все-таки трудоголики эти ирхонские следователи! Полночь уж миновала, а закон все не дремлет!

Коротышка извлек из недр стола очередную кипу листов и принялся вдумчиво их изучать, не обращая на меня никакого внимания. Похоже, он рассчитывал тем самым довести подследственного до нужной кондиции. «Ха» два раза! Он бы еще напарника пригласил и вместе с ним разыграл спектакль, носящий неоригинальное название «хороший и плохой следователь»! Хотя немного поерзать и пару раз покряхтеть мне не помешает — незачем показывать, что я считаю себя умнее его.

— Что ж, начнем! — наконец заявил хозяин кабинета, взяв в руки чистый листок и перо. — Имя?

Я решил далеко не отходить от основной роли:

— Мое?

— Ну не мое же, — нахмурил брови следователь.

— Ник Везунчик.

Коротышка неспешно вывел на листке первую строчку и продолжил допрос:

— Где родился?

— А могу я поинтересоваться, с кем беседую?

Думаю, невеждам с севера простительно отвечать вопросом на вопрос.

— Дознаватель второй ступени Лихтош Иносский, — с неохотой представился хозяин кабинета.

— Очень приятно познакомиться, — дружелюбно кивнул я.

Лихтош заглянул в мои невинные глаза, надеясь отыскать там намек на издевку, и возобновил допрос:

— Так где ты родился?

— На севере.

— Конкретнее!

— В рыбацкой деревушке на берегу океана.

— Как называется твоя деревня, на земле какого племени расположена?

— Никак не называется. И стоит она на нашей земле, где жили десятки поколений моих предков.

— Хотя бы уточни, что за племена проживают рядом с вами, — не сдавался дознаватель.

Я бы с радостью, вот только не знаю названия ни одного племени. Северных народов — да, они были упомянуты в прочитанном трактате, а более мелкие образования на краю мира автор трехтомника перечислять не посчитал нужным. Но ответить что-то было надо, поэтому я невозмутимо сообщил:

— Лодочники и сеточники.

— О таких я ничего не слышал, — заявил Лихтош, принявшись сверлить меня взглядом.

Я лишь пожал плечами, демонстрируя, что это не мои проблемы. Упрямый коротышка предпринял еще две попытки — достал карту, а потом потребовал сказать что-нибудь на родном наречии. Это ему ровным счетом ничего не дало. На предложенный моему вниманию кусок пергамента с весьма приблизительной контурной схемой этой части материка я пялился, как баран на новые ворота, не собираясь облегчать дознавателю жизнь и показывать, каким маршрутом добрался до Проклятых земель. А фразы на русском и вовсе привели к тому, что Лихтош тяжело вздохнул, записал в протоколе «место рождения установить не удалось» и перешел к главной части:

— Ты признаешься в совершенных тобой злодеяниях?

— Это каких еще злодеяниях?

— В убийстве двух жителей Ирхона и бегстве с места преступления, — терпеливо пояснил коротышка.

Выходит, хозяин постоянного двора не стал вспоминать эпизод с покаленным воришкой — уже легче!

— А у меня есть выбор? — с надеждой уточнил я.

— Разумеется. Ты можешь до последнего все отрицать, однако, я уверен, на суде это ничего не даст. Показания свидетелей, — Лихтош кивнул на стопку листов, — сходятся до мельчайших деталей, приметы твои были указаны

четко, поэтому судьи даже не станут возиться с амулетом правды, а сразу объявят приговор.

— И какой?

— Либо двадцать лет в каменоломнях, либо рабство. Но если признаешь свою вину и будешь молить о снисхождении, приговор будет более мягким — получишь всего лет десять-пятнадцать.

Весело! Что-то мне подсказывает, второй вариант, по сути своей, ничем от первого не отличается, ведь тяжелый физический труд на каменоломнях долголетию отнюдь не способствует. Да и в рабство как-то не хочется...

Догадавшись по лицу о ходе моих мыслей, дознаватель добавил:

— Существует и альтернатива. Если с признанием ты выразишь искреннее желание послужить на благо Империи, то наверняка будешь отправлен с клеймом на границу, защищать нашу землю от диких орков. Там, насколько мне известно, условия жизни вполне сносные, а некоторые при должном усердии и безупречной службе через годик-другой умудряются даже амнистию себе заработать.

Угу, «некоторые». Остальная часть осужденных просто не успевает дожить до этого счастливого мига, погибая в стычках с орками. В общем, хрен редьки не слаще!

— А существует ли такой вариант, в котором после уплаты штрафа меня с чистой совестью выпускают на свободу? — без обиняков спросил я.

— Надеешься заключить соглашение с гильдией? — уточнил дознаватель. — Не советую. Это то же самое рабство.

Я не понял, о чем идет речь, и коротышка охотно рассказал, что в Ирхоне и других вольных городах Пограничья гильдия искателей имеет право выкупать преступников, оплачивая их штрафы. Причем как тех, на чьих пальцах красуются серебряные знаки, так и всех остальных. И если первым, очутившись на свободе, приходится эти штрафы отрабатывать потом и кровью в почти двукратном размере, то вторым маги гильдии надевают ошейник (чтобы не надумали сбежать) и приказывают до самой смерти ходить на Проклятые земли, отдавая вызволившей

их организации четыре пятых своего дохода. В общем, как и сказал дознаватель — самое натуральное рабство, только поводок чуть длиннее.

— Нет, подобное соглашение мне не нужно. Я лишь хотел поинтересоваться — можно ли мне как-нибудь откупиться от обвинений. Ведь деньги-то у меня имеются, а желания махать кайлом в каменоломнях или бить диких орков не наблюдается.

— Откупиться от обвинений? — гневно воскликнул дознаватель. — То есть ты предлагаешь мне золото, чтобы я отпустил тебя на свободу?

Сделав вид, что испугался этой неожиданной вспышки, я размышлял, отчего Лихтош так бурно отреагировал на мой намек о взятке? Действительно честный служака или опасается «прослушки» в кабинете и разыгрывает спектакль? Ах, он же упоминал, что в этом мире имеются какие-то амулеты правды. Значит, срочно идем на пятую!

— Прошу меня простить, — соорил я виноватое лицо. — Наверное, я не слишком хорошо знаю имперский, а потому не совсем правильно выразился. Я вовсе не собирался предлагать деньги, чтобы избежать наказания, а только хотел уточнить, можно ли заменить ссылку штрафом. И если да, каких он может достигнуть размеров?

— Что ж, прощаю, — кивнул дознаватель, сменивший гнев на милость. — А на твой вопрос отвечу так: все зависит только от тебя. Если признаешь свою вину, расскажешь правду о случившемся, то на слушании я попрошу судей о смягчении наказания и замены его уплатой определенной суммы в городскую казну. Если же нет... — коротышка замолчал, не закончив фразу.

Блин, мягко стелет, но упорно избегает конкретики. К сожалению, сейчас у меня нет другого выхода, кроме как облегчить душу добровольным признанием. Ладно, будем надеяться на то, что мои деньги в рюкзаке останутся целехонькими, а не растворятся в недрах острога, что дознаватель окажется порядочным человеком и сдержит обещание, что судьи будут снисходительны...

Я начал «колоться». Максимально подробно изложил события той ночи, упирая на то, что лишь защищался от проникших в комнату грабителей. А сбежал не потому, что чувствовал себя виноватым — просто не хотел, чтобы отряд искателей ушел на Проклятые земли без меня. Не забыл я отметить и свое незнание местных законов, которое хотя и не освобождало от ответственности, но вполне могло послужить смягчающим обстоятельством, как и факт (почерпнутый из того же трактата), что на северных землях убийство в целях самообороны преступлением не считалось. Особо подчеркнул, что даже не думал скрываться от правосудия и не сопротивлялся при задержании.

«Облегчившись» по полной программе, я подождал, пока довольный дознаватель запишет мои показания, а потом поинтересовался, что мне светит. Лихтош порадовал — оказалось, что трупы грабителей никто из работников гостиницы не трогал. Рядом с ними нашли и удавку, и их ерундовые кинжалы с ножом, которые я брать не стал, так что версия о самообороне нашла подтверждение. Кроме того, эти двое давно были на примете у стражи, и никаких сомнений в их роде занятий у коротышки не возникло. В итоге у меня появился шанс отделаться минимально возможным наказанием, но сумму штрафа, даже приблизительную, дознаватель все равно не назвал. Зато утолил мое любопытство, сообщив, почему стражникам удалось настолько оперативно меня разыскать.

Если восстановить события, произошедшие после того, как я вышел из гостиницы, получится следующая картина. Как только хозяину постоялого двора надоело любоваться на трупы в моей комнате, он послал одного из работников за стражей. Отряд с дознавателем появился быстро, а после осмотра места происшествия и выяснения моих примет помчался к западным воротам, полагая, что я поспешу покинуть Ирхон и двинусь обратно на безопасные имперские земли. Но там привратники заявили — никого похожего по описанию они не видели. Тогда для очистки совести стражники наведались к восточным и жутко огорчились, узнав, что я вышел из города минут десять назад в компании искателей.

Дальше — дело техники. Мастер-художник (в остроге имелся и такой) по подсказкам хозяина гостиницы набросал мой портрет, который затем был вывешен в здании городской администрации с краткой пометкой о вознаграждении за помощь в поимке. Там-то его и увидел хозяин постоялого двора, где сегодня ночью я имел несчастье поселиться. Все просто! На мой естественный вопрос — а почему нельзя было отдать приказ о моем задержании стражникам на воротах, Лихтош пояснил, что они — совсем другое подразделение, которое подобными делами не занимается.

— Это все равно, что просить ночной патруль подсобить в поимке вора, промышляющего в торговом квартале, или вызвать наряд стражи на ликвидацию опасного порождения Проклятых земель, — заявил дознаватель. — Тем более, никто не ожидал, что ты вернешься.

В который раз подивившись странным порядкам в городе, жестко разграничившим сферы деятельности подразделений похожего рода, я по просьбе Лихтоша поставил свой автограф в протоколе и задумался. Выходит, Ярут по доброте душевной рассказал своим коллегам (которые, как выяснилось, вовсе не коллеги) все, включая свои подозрения. Интересно, а не Мишету ли он все это выкладывал?

Если моя догадка верна, многое в действиях стражника становится понятным, но возникает интересный вопрос: какого хрена приятель за ужином не упомянул о повышенном внимании властей к моей персоне? Ведь тогда я бы не стал задерживаться в Ирхоне и в итоге не угодил бы в тюрьму. Сдал бы добычу и — поминай, как звали! Причем, что любопытно вдвойне, ни Лот, ни Дон даже словом не обмолвились о расспросах! Им что, жалко было предупредить своего нового знакомого, не поскупившегося «накрыть поляну» в недешевом трактире? Что за непонятный обет молчания — цеховая солидарность или кое-что похуже?

Из невеселых мыслей меня выдернул вопрос дознавателя:

— У тебя есть в Ирхоне человек, который может за тебя поручиться?

— А зачем? — удивился я.

— Если судьи решат заменить наказание штрафом, тебе будет необходимо назвать имя жителя Ирхона, который согласится добровольно взять на себя ответственность за то, что деньги будут внесены в городскую казну в полном объеме и в указанный срок, — терпеливо пояснил Лихтош.

«Черт, неужели он предполагал именно это?» — подумал я, а вслух сказал:

— Есть. Это командир Ярут, привратник.

Видимо, коротышка был с ним знаком, поскольку не стал задавать уточняющих вопросов. На этой оптимистической ноте и закончился допрос. Пометив что-то в протоколе, дознаватель кликнул дожидавшихся в коридоре конвоиров и приказал забрать задержанного.

Молчаливая парочка притащила меня в полуподвальное помещение, где горел полудохлый светлячок, витали запахи гнили и общественного туалета, родившие острое ощущение дежавю. В одной из стен мрачной комнаты были три массивных двери со смотровыми окошечками, рядом стоял стул, на котором дремал парень в черном. Будучи разбуженным «ласковым» пинком одного из конвоиров, дежурный вскочил, достал связку ключей и принялся отпирать крайнюю справа дверь.

Пока давно не смазываемый замок скрежетал и щелкал, работники острога успели развязать мне руки, а затем, придав ускорение молодецким ударом между лопаток, втолкнули в камеру. Большую, просторную и совсем не одиночную. Свет горевшего на площади светлячка, проникавший в оконца под потолком, позволил мне увидеть еще шестерых товарищей по несчастью, которые в данный момент сидели или лежали на узких деревянных лавках у стен.

— Гляди-ка, Квер, у нас гости! — радостно воскликнул один из них.

Его внешность в царившем полумраке показалась мне устрашающей — типичный уголовник с нехилым размахом плеч, небритой рожой и приплюснутым носом с горбинкой. Остальные были ему под стать. Одного взгляда

было достаточно, чтобы понять — в остроге они частые гости. Что ж, похоже, на теплый прием собравшейся здесь компании мне рассчитывать не приходится.

— Приветствую всех присутствующих, — произнес я, выбрав самую нейтральную фразу, и принялся растирать запястья со следами от веревок.

— Вежливый какой, — усмехнулся мужик, сидевший в углу. — Сразу видно, первый раз у хозяина.

— Ничего, Вашут ему быстро науку преподаст, — протянул его сосед.

Тем временем первый уголовник поднялся с нар и подошел ко мне. Нависая надо мной хмурой грозовой тучей и источая кислую вонь из пасти, он угрожающе произнес:

— Запомни, сопляк, попав в камеру к уважаемым людям, ты должен сперва узнать, кто ее смотрящий, а потом со всем почтением попросить у него разрешения находиться рядом с ним. Так что живо падай на колени перед Квером и моли богов, чтобы он преисполнился великодушием и позволил тебе размять его натруженные за день пятки!

— Не-е, пусть лучше нам сказку перед сном расскажет, — возразил сидевший в углу уголовник. — Я не собираюсь доверять свои пятки кому ни попадя!

Он усмехнулся на пару с соседом, а стоявший передо мной рывкнул:

— Ну! Чего застыл?!

— Не нукай, не запрят! — спокойно сказал я. — Разрешение здесь находится мне давным-давно выдали стражники, а сказки рассказывать я не люблю и не умею.

— А парнишка-то борзый! — с притворным удивлением воскликнул сосед Квера. — Вашут, давай-ка, разберись с ним!

Уголовник схватил меня за грудки и выдохнул прямо в лицо:

— Ты что о себе возомнил, щенок?! Думаешь, раз стащил пирожок у торговки — уже можешь дерзить уважаемым лю...

Договорить он не успел — левой рукой я ударил мужика в солнечное сплетение, а ребром правой ладони руба-

нул по шее. Вашут рухнул на пол, как подкошенный, — я ведь уже упоминал о том, что знаю, куда и как нужно бить?

Отлично! Один в минусе, поскольку, по самым скромным предположениям, валяться в отключке ему не меньше четверти часа. За это время либо меня избыют до полусмерти остальные уголовники, либо на моей совести появится еще несколько трупов. Все зависит от того, насколько удачным окажется мой спектакль. Перешагнув упавшее тело, я с ленцой поинтересовался у сокамерников:

— Еще у кого-нибудь ко мне претензии имеются?

Те молчали, ошеломленные скоротечностью расправы, и не собирались бросаться на помощь упавшему приятелю. Я надеялся именно на эту реакцию, прекрасно понимая, что справиться одновременно с пятью точно не смогу. Буркнул: «Вот и замечательно!» и с комфортом уселся на освободившиеся нары.

— Ах ты тварь! — выдохнул сосед Квер и попытался броситься на меня, но его остановил приказ смотрящего:

— Сядь, Фока!

— Но он же Вашута...

— Сядь, я сказал! — с нажимом повторил уголовник и обратился ко мне: — Парень, ты чей будешь?

— Свой собственный, — отозвался я.

— Свой, значит... — протянул Квер, не обращая внимания на возмущенное сопение соседа. — За что взяли?

— За убийство.

— И многих положил?

— Не считал, — несколько грубовато ответил я, полагая, что точный ответ уголовники примут за попытку похвастать.

— А попался как? — не прекращал допрос Квер.

— По глупости. На одном деле засветился изрядно, а сегодня не на тот постоялый двор ночевать отправился.

— Гус сдал, что ли? — уточнил смотрящий.

— Он, гад! — кивнул я и подумал, что этот стукач в уголовной среде довольно известен. Интересно, как его не прибили до сих пор?

— Так ты не местный? — протянул Квер и беззлобно рассмеялся.

Вот вам и разгадка! Это только ничего не подозревающие приезжие регулярно приносят Гусу несколько лишних монет, а все находящиеся в розыске ирхонские преступники заведение «барабанщика» десятой дорогой обходят. Хотя мстить не решаются — видимо, хозяин постоянного двора имеет нехилую «крышу» в лице городской стражи или кого покруче.

— И откуда ты? — миролюбивым тоном поинтересовался уголовник.

— Издалека.

— Значит, рассказывать, под кем раньше ходил, не станешь, — полувопросительно произнес смотрящий.

Вот те раз! Похоже, он принял меня за матерого убийцу-профессионала, члена соответствующей нелегальной имперской гильдии. С одной стороны — хорошо, проблем меньше, но с другой — я легко могу спалиться на мелочах, а последствия подобного провала будут намного хуже.

К сожалению, уголовник не дал мне времени объясниться:

— Дело твое. Только скажи, ты Вашута... насовсем успокоил?

— Дураков не убиваю, — ответил я. — Скоро очнется.

— Добро, — кивнул Квер и приказал своему соседу поднять валявшегося на полу приятеля.

Фока приказ выполнил быстро, но положил бесчувственное тело не рядом со мной, а на лавку у противоположной стены, согнав с нее какого-то мужичка. Наблюдая за сокамерниками, я понял, что напрасно отнес всех шестерых к одной категории. Нет, «воров в законе» здесь сидело всего трое, а остальные были либо мелкими сошками, либо простыми жителями Ирхона, у которых возник конфликт с властями, и особой угрозы для меня не представляли. В общем, я довольно удачно попал. В противном случае мне бы не дали и слова сказать — отпинали бы за милую душу. Сейчас я это понимал и видел, насколько авантюрным был мой план, но, как говорится, задним умом все крепки.

Вскоре Вашут очнулся. Он порывался отомстить обидчику, но после начальственного рыка Квера уселся на лав-